

Гарри Беар

**Лица российской
национальности. Сборник
рассказов и...**

Гарри Беар

**Лица российской национальности.
Сборник рассказов и эссе**

«Автор»

2014

Беар Г.

Лица российской национальности. Сборник рассказов и эссе /
Г. Беар — «Автор», 2014

В книгу вошли произведения, созданные Г. Беаром в середине – конце 1990-х годов. Читателю предлагается авторское восприятие знаковых фигур русской истории и культуры – Ивана Грозного, Владимира Ленина, Михаила Лермонтова и Владимира Набокова. Каждый из персонажей видится автору неким «лицом (типом) Российской национальности», позволяющим судить о взаимовлиянии ключевых оппозиций в российском обществе: «личность – государство», «правлящая элита – народ», «частная жизнь – жизнь страны». В книге представлена и повесть «Студент» (ред. 2003 г.), рассказывающая о молодом человеке, не нашедшем своего предназначения в «смутные» 1990-е гг. и сведшим счеты с жизнью. Это, по словам автора, только один вариант пути представителя студенчества «тогдашнего смутного времени», но этот вариант требует своего осмысления. Вместо послесловия автор предлагает читателю свои «опыты» в стиле хокку и рубаи, отражающие знаковые события нашей действительности последних лет.

© Беар Г., 2014

© Автор, 2014

Содержание

От автора	6
Царь Иван	7
Глава 1. Рождение. Страхи бояр о малолетстве Иоанна	9
Глава 2. Первые шаги Государя	11
Глава 3. Земской Собор. Создание первого русского правительства	13
Глава 4. Курс царя на усиление абсолютной власти. Первые репрессии	15
Глава 5. Опричнина. Измены царю и казни изменников	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Гарри Беар

Лица российской национальности. Сборник рассказов и эссе

От автора

В состав этой книги вошли в основном произведения, которые были написаны мной в середине-конце 1990-х годов. В силу различных причин и обстоятельств эти тексты были несколько скорректированы в конце 2000-х гг. Перед читателем – четыре историко-портретных очерка, представляющих мое восприятие таких знаковых фигур русской истории и литературы, как Иван Грозный, Владимир Ленин, Михаил Лермонтов и Владимир Набоков. Изначально у меня не было цели найти в биографиях этих знаменитых русских людей какие-то «потаянные» места или на «свой» неповторимый лад трактовать произведения, созданные ими.

Каждый из этих людей рисовался мне в ходе работы определенным *«лицом (типом) Российской национальности»*, позволяющим судить о степени взаимовлияния таких ключевых оппозиций, как *«власть – русское общество»*, *«роль личности – суть государства»*, *«привычная элита – народ»*, *«частная жизнь – жизнь общества»*. Насколько мне удалось передать колорит эпохи, в которую жили и творили эти яркие представители русской цивилизации, понять значение деяний «героев», по терминологии Т. Карлейля, пусть рассудит читатель.

В книгу включена и повесть «Студент» (в редакции 2003 года), рассказывающая о молодом русском человеке, не нашедшем своего предназначения в середине «смутных» 1990-х годов и сведшим счеты с жизнью. Конечно, это лишь один вариант пути представителя студенческой когорты *«тогдашнего смутного времени»*, но и этот вариант требует серьезного осмысления. Некоторые критики трактовали повесть как некий «ремейк» знаменитых «исповедей» героев Ф. М. Достоевского. Однако, смею думать, мне все же удалось создать собственный вариант «героя-идеолога» Кероля N, который проходит путь надежд и разочарований, в конце концов находя трагическое для себя решение. И это, по-моему, еще одно типичное «лицо Российской национальности». Вместо послесловия предлагаю читателю освежить память воспоминанием о событиях последних лет, которые нашли отражение в моих скромных опытах в стиле хокку и рубай.

Надеюсь, что в новую редакцию книги войдут еще три произведения, которые находятся в настоящий момент в различной степени готовности – эссе о Льве Бронштейне (Троцком), писателе Федоре Достоевском и великом поэте Владимире Маяковском. Но это будет уже совсем другая книга и, в каком-то смысле, несколько иное осмысление истории.

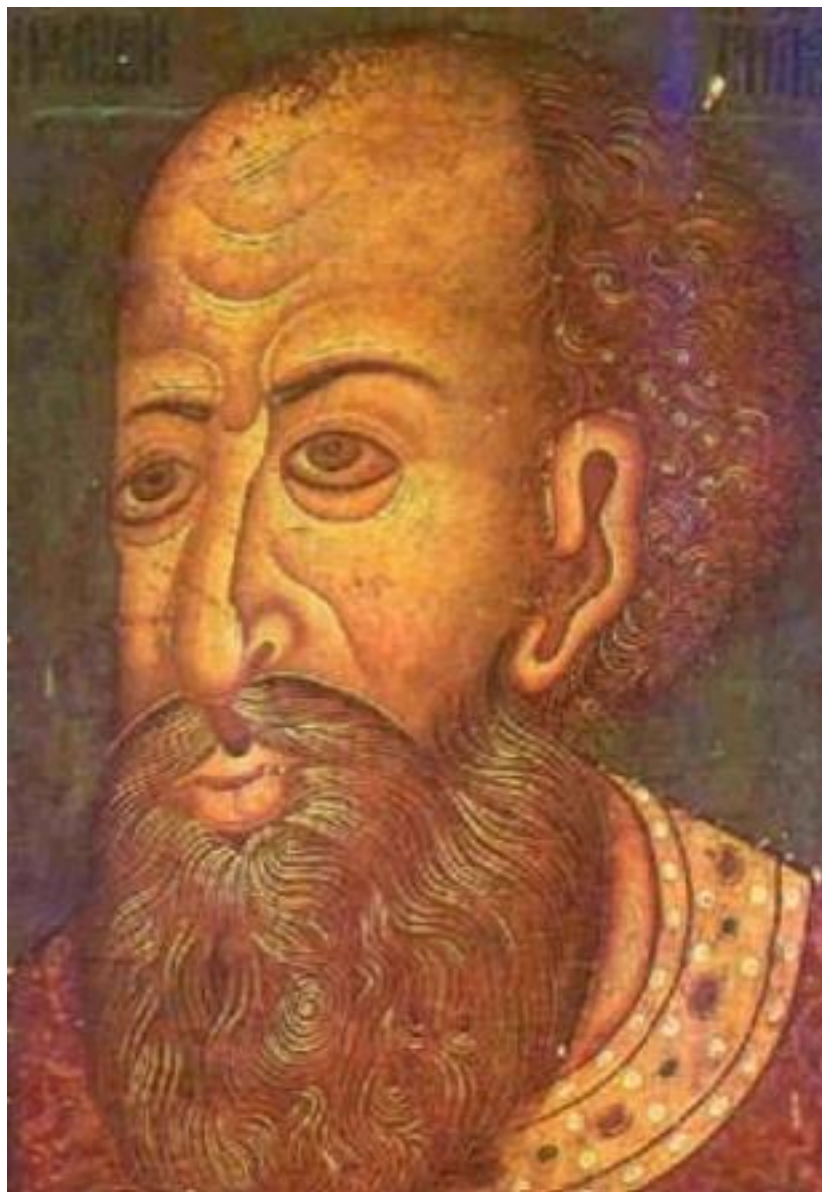
В добрый путь, читатель! Прошу об одном – не забывай слова нашего сумрачного гения, который много размышлял и о русской истории, и о сумерках цивилизации: *«И нам сочувствие дается, как нам дается благодать»*.

Царь Иван (Прогулки по русской истории)

– И вниде страх в душу моя, и трепет – в кости моя...
Иван Васильевич

– Разве нет уже Бога и правосудия Вышнего для царя?
Андрей Курбский

– Горе Царству, коим владеют многие...
Иван Грозный

Великий историк наш Николай Карамзин говорил как-то, что история вообще «*есть священная книга народов, зеркало их бытия, пример возможного будущего*». Правление на Руси царя Ивана Васильевича Грозного до сих пор не может быть **ОДНОЗНАЧНО** оценено стро-

гими и беспристрастными потомками его. Одни историки называют царствование Ивана 4-го **«ужасом России»**, другие толкуют о спорном, **жестоком**, но **«государственно целесообразном»** смысле деяний царя, третьи – настаивают на бессмысленности и преступности действий зрелого Властителя, называя царя Иоанна **«громким ничтожеством»**.

Не претендуя на полную истину, коей ведает один Бог, скромными силами нашими постараемся дать свое толкование эпохе царя Ивана (больше русских царей с таким именем не было: Иван Третий назывался Великий Князь, а два Ивана Пятых, увы, не правили). Постараемся определить, что же двигало поступками русского самодержца, столь ненавидимого поздними и нынешними сановниками-лизоблюдами, но столь почитаемого в народе русском. В народе, который может простить своим правителям свирепость и беспощадность, но никогда не простит трусость и скудоумие. Не станем мы, подобно Бояну вещему, «растекашися мыслию по древу», а шибанем об Иване 4-м кратко да метко, как сам царь умел пригвоздить Словом врагов своих... Кровь, пролитая Иваном Грозным, засохла на нем, а потому история его жизни по сути «житие Великого грешника», никак не иначе.

А самую непреложную Истину мы попросим сопутствовать в нашем скромном повествовании.

Август 1994 г.

Глава 1. Рождение. Страхи бояр о малолетстве Иоанна

25 августа 1530 года в седьмом часу ночи родился царевич Иоанн, которому суждено было стать одним из известнейших монархов Европы 16 века. Карамзин в «Истории государства Российского» указывает, что в самую минуту рождения Иоаннова произошло знамение – *«земля и небо потряслись от неслыханных громовых ударов»*. Знамение, более чем подтвердившееся... Великий князь Василий Иоаннович и его жена Елена Глинская, как никто, радовались рождению царевича, после 3 лет бездетности Глинской и после многодневного усердного моления о ниспослании наследника русского престола. Но счастье царя Василия было недолгим, вскоре он внезапно заболел и умер... Елена с приближенными боярами и ближними родственниками стала неумело править от имени малолетнего Иоанна. Будущий правитель не получил длительного правильного воспитания со стороны отца-царя, и Ивану 4 долго и мучительно пришлось идти к подлинной власти Государя...

Как справедливо замечает историк С. Соловьев, *«никогда еще Россия не имела столь малолетнего властителя...»*. Боярское кодро забеспокоилось: все хотели быть поближе к царице и под прикрытием ее власти вести свои земные делишки. Князь Иван Овчина-Телепнев-Оболенский преуспел было более других бояр, из постели царицы сей князь принялся управлять русским государством. При этом руководил Ванька весьма своеобразно, вскоре жертвами его интриг пали князь Юрий Дмитровский, Михаил Глинский, дядя царицы, Воронцов и многие достойные люди, не нашедшие общего языка с временщицей. Большую роль в наступавших репрессиях сыграл князек Андрей Михайлович Шуйский, доносами и наветами протоптавший себе дорожку к трону.

В 1536 году Елена Глинская, поверив очередным лживым наветам, попыталась заманить в Москву и погубить Андрея Иоанновича, младшего дядю царевича. Однако князь поднял бунт против царицы и даже собрал войско. Ряд бояр, видевших в Глинской всего-то «постельную царицу», поддержал князя Андрея и выступил на его стороне. Однако родственник царя оказался трусоват и в решительный момент сдался на «милость Еленину». Он был немедленно казнен, большинство его соратников также погибли мучительной смертью, а «детей боярских, взявших сторону Андрееву, числом тридцать, повесили, как изменников, на дороге новгородской...» (Н. Карамзин). Все это видел и наблюдал смысленый Иоанн, который в этот момент понял, как дешево на Руси ценится человеческая жизнь, как подлы и переменчивы бояре, как ненадежна придворная челядь. Иоанн наблюдал, анализировал, но сделать пока ничего не мог, хороня в душе страх и ненависть.

В 1538 году царица Елена умерла, и малолетний Иван остался совсем один... Князя Шуйские захватили власть, отодвинув конкурентов из бояр и духовенства. Эти brave ребята наслаждались властью, пользовались государственной казной как собственным кошельком, а наследнику престола выражали оскорбительное небрежение. Оппоненты Шуйских безжалостно устранялись, глава этого клана Андрей Михайлович, не выдержав обвинений Семена Воронцова в узурпаторстве, убил его на глазах юного царевича. Все это время маленького Ивана наряжали царем, во дни торжеств усаживали на трон и делали вид, что трепещут пред ним. Царевич Иван уже видел и понимал, что является лишь ширмой для боярских интриг, что он не более чем «символ Власти», но не сама Высшая власть. Он понимал это, но страх и неуверенность в себе глубоко поселились в нем.

В 1543 году во время очередной боярской стычки Иван 4 проявил характер и отдал псалям на растерзание вконец обнаглевшего Андрея Шуйского. Бояре изумились было царевой решительности, поняли, кто перед ними. Шайку Шуйских на время вышвырнули из дворца... Власть перешла к дядьям Ивана – братьям Глинским, но и они действовали теми же методами, что и прежние властители, решая свои частные делишки и не думая о государстве. Вот так,

казнями да боярскими распрями, начиналось формальное царствование Ивана 4-го, ставшего вскоре Грозным и для бояр, и для распрей их.

Приближался 1547 год...

Глава 2. Первые шаги Государя

16 января 1547 года Ивана Васильевича венчали на русское царство. Митрополит Московский Макарий торжественно возложил на царственного юношу шапку Мономаха, бармы и торопливо сунул в руки скипетр. Иоанн спокойно, не шелохнувшись, выслушал литургию, принял поздравления от духовенства и высокородных бояр, а затем, «ступая с камки на бархат», вытек из храма, где и происходило действо. «Подлый» народ, толпившийся поодаль от алтаря, тут же с шумом и шипом бросился к нему и ободрал его «на память». Стража побоялась вмешаться, опасаясь то ли бунта, то ли гнева новоявленного самодержца... Так холопы показали, на что они способны, в самый день царственного венчания.

После официального вступления на царство Иван решил жениться; страсть к физическим утехам была ему хорошо знакома, и она была даже поощряема людьми, его окружавшими. Выбор Ивана пал на девицу Анастасию Захарьину-Романову, юную летами, но прекрасную лицом и смиренную. Отец Анастасии был царским окольничим, дядя – боярином, возвысившимся при царе Василии Иоанновиче. Молодые обвенчались уже 3 февраля 1547 г. и «явились глазам народа»... Москва была пьяна неделю; всем казалось, что царствование Ивана 4 наконец-то обретает Божественное предназначение. Титул «царя» придавал весомости фигуре Ивана Васильевича в европейских делах, так как таким титулом обладал в Европе только император Священной Римской империи.

Молодой царь видел все и понимал беды Русского государства, он с детства наблюдал нищету народа и своеволие бояр. Он искренне хотел с Божией помощью решать проблемы, хотя и не очень представлял, как будет это делать... Однако семья Глинских вовсе не торопилась освободить свое вельможными задами насиженное место у трона. Дядья Ивана по-прежнему наущали молодого самодержца править по-старому, опираясь лишь на высокородных людей и не приближая «служилых». Они инстинктивно опасались жителей Новгорода и Пскова, где народное вече не потеряло своего бывшего величия... Для начала раздурившийся Иоанн подпалил бороденки псковским челобитчикам, пришедшим жаловаться на своего наместника – хама и ворюгу Турунта-Пронского, но потом... Разобравшись и посоветовавшись с женою, царь велел отловить и «хорошенько наказать» самого Турунта... Из-за неурожая и пожаров были резко повышены налоги, что вызвало праведный гнев у населения Москвы. Страсти закипали, Иоанн оставался один на один и со своим величием самодержца, и с проблемами, назревшими в стране.

12 июня 1547 года начался знаменитый Московский пожар, свирепствовавший 10 дней и уничтоживший большую часть столицы Русского царства вместе с тремя тысячами жителей. Сгорели Кремль, Китай-город, Большой посад... Московские люди с опаленными лицами бродили по городу и «в горести великой простирали свои вопли Богу»... Но никакой помощи от власти для горожан не было. Ужаснувшись пожару, царь с домашними быстро укатил в село Воробьево и грустно напился там, заочно сочувствуя москвичам. Созревали предпосылки для бунта! Бояре во главе с бодрым князем Скопиным-Шуйским решили, воспользовавшись случаем, покончить с всевластием рода Глинских. Они стали внушать черни, что поджог Москвы – дело рук княгини Анны, бабки государевой, которая якобы, оборотясь птицей, летала по городу и кропила дома, и ее детей – Юрия и Михаила. Холопье племя поверило наветам и бросилось на поиски ненавистных царевых родственников. Князь Юрий Глинский спрятался было в церкви Успения, но смерды нашли его там и убили. Распоясавшись, подлые люди поубивали всех найденных слуг Глинских с их детьми, а затем бросились к царю в Воробьево. Над царем Иваном нависла страшная угроза.

Окружив царские покои, холопы потребовали выдать им на расправу княгиню Анну и сына ее Михаила. Перепуганные бояре, бывшие при царе, посоветовали было Иоанну *испол-*

нить волю народную во избежание худшего. Обозвав их «паскудными псами», Иван 4 решил держать оборону и велел стрелять в бунтовщиков. Толпа, почуяв смерть, разбежалась, а люди Иоанна догоняли бегущих и *«рубил их подлые головы, ако кочаны капустные»* (цитата из историка 17 века Михея Трюхина). Именно тогда и рек царь Иван свои знаменитые слова: **«И вниде страх в душу моя и трепет – в кости моя...»**. Но страх и трепет быстро прошли, а железная воля и умение применять силу оставались с Иваном Грозным уже до его кончины. Да и народ понял, что над ними стоит подлинный царь, а не боярский временщик. В этот день Иоанн стал подлинным Государем, царем Русской земли, где страх и любовь всегда рядом.

Глава 3. Земской Собор. Создание первого русского правительства

Конец 1547 года ознаменовался созданием при царе Иване так называемой Избранной Рады, куда вошли представители самых разных сословий: князя Курбский, Шереметев и Воротынский, священник Благовещенского собора Сильвестр и дьяк Висковатый, человек низкого звания Алексей Адашев, родственники Ивана по линии жены Захарьины и др. Царь, поняв, что в одиночку он с государством русским не управится, приблизил к себе «умные головы», по сути сформировав кабинет министров (русское правительство) с Адашевым во главе.

В это время значительно возвысился монах Сильвестр, человек неординарный, образованный и, несомненно, обладавший неким магнетизмом. Напугав 17-летнего царя **«детскими страшилами»**, он, позднее выразившись Ивану, вполз в управление государством. По мнению историка Н. Костомарова, влияние Адашева и Сильвестра благополучно сказалось на управлении Московским царством. Однако Ивану, с его необузданным темпераментом, едва ли надолго могла понравиться опека со стороны этих людей. Впрочем, их *умное влияние* и бесконечно счастливый брак царя с Анастасией умягчали его характер и привели к ряду положительных изменений в официальной жизни Руси.

В своей речи перед открытием первого Земского Собора в феврале 1549 года царь Иван говорил о том, что прежде он **«казался глухим и немым: не внимал стенанию бедных...»**, что теперь он **«молит веру к нему и любовь к нему»**, что он готов стать всем русским людям «судьей и обороною». Со стороны самодержца такие слова звучали тогда как нечто совершенно необыкновенное. Сильвестр и Адашев тихо улыбались, слушая сие милые им речи, но истинный смысл затеваемых Избранной Радой преобразований до царя не доводили, считая Ивана еще недостаточно подготовленным для этого. На Соборе было решено составить новый Судебник взамен старого, принятого еще при Иване 3-м, и провести некие реформы в области управления территориями, так как назначаемые сверху наместники-«кормленцы» стали уже для большинства населения невыносимы.

На Руси в то время существовала странная система разделения власти – на «государеву» и «земскую», что давало возможность расторопным боярам и князьям пользоваться этим обстоятельством. Когда им было выгодно прикрыться авторитетом царя, они объявляли дело «государевым», когда «бояре» хотели пожить на чем-то самостоятельно, дело нарекалось «земским». В «Судебнике» 1550 г., подготовленном Сильвестром, видна попытка окончательно централизовать государство, дав больше власти Приказам (министерствам) и разделив поселения на города, волости, уезды и т. д. Составители «Судебника» пытались оградить простой народ от тягот «государева суда», где неизменно побеждал более влиятельный и богатый, и произвола наместников на местах. Согласно новому закону, наместникам, в частности, запрещалось творить суд без участия старост и целовальников. Жители той или иной области получали даже право «судиться и рядиться» через посредство выборных лиц... Для своего времени «Судебник» Ивана Грозного был достаточно прогрессивным законодательством, частично примирившим интересы царя, знатных бояр, служилых людей и простого люда.

С другой стороны, ставшие регулярными с 1550 года Земские соборы по сути узаконили правительство А. Адашева и его реформаторскую деятельность. 1070 провинциальных дворян было «посажено» под Москвой, им были даны земли и право на государеву службу. Как упоминает историк Михей Трюхин: *«И иные служилые потекши в Москву, ако мухи на подлое, и садиши там, и получили земли по большой сохе»*. Новоявленный премьер Адашев явно рассчитывал разбавить зажавшееся московское боярство, потерявшее способность к грамотному правлению, толковыми людьми из провинции. Князья и знатные бояре были заволновались,

побежали к царю с челобитными, но им быстро заткнули глотки сытными подачками. Были проведены частичные реформы в переустройстве военной организации Руси: в 1550 г. был создан Разрядный приказ с дьяком И. Выродковым во главе, под началом которого сформировалось регулярное 3-тысячное войско стрельцов. Опасность для целостности Москвы по-прежнему представляли осколки Золотой Орды – Казанское и Астраханское ханства. С ними надо было что-то делать, царь Иван объявил сбор средств на Казанский поход.

В 1551 и 1552 году, после неудачных походов 1540-х гг., Казанское ханство, погрязшее в дрязгах и внутренних татарских противоречиях, было окончательно разгромлено и включено в состав русского государства. Татарский «начальник» Едигер был перекрещен в Симеона и доставлен в Москву; во времена опричнины он еще сыграет свою роль в русской истории. Несколько позже (1556 г.) было покорено Астраханское ханство, и черемисы, нагаи, чувашаи обязались не разбойничать и исправно платить русским «ясак» за право существовать на земле Московского царства. Геополитическим, как сказали бы сейчас, нарывом продолжало оставаться для Москвы Крымское ханство, но талантливый Девлет-Гирей во главе хорошо обученных татарских воинов сумел остановить казачье войско на подходе. Английские и голландские купцы, узнав про необъятный русский рынок, наводнили страну заморскими товарами. Не отставали от них и московские и новгородские *«гости»*... Жизнь на Руси налаживалась.

Эти внешнеполитические успехи убеждали царя Ивана в исключительности его фигуры в русской истории. В это время царь часто путешествует по Руси с женой и старшим сыном Ванюшкой, посещает монастыри, усердно молится. Иностранные послы, посещавшие страну в эти годы, говорили, что *«Иоанн затмил своих предков и могуществом, и добродетелью... Нет народа в Европе, более россиян, преданных своему государю»*. Поверить ли им на слово, в устах инородцев всегда лукавое? Но и сам Иоанн на Стоглавом Соборе 1551 г. публично каялся в своих «былых прегрешениях» и приглашал всех честных людей «содействовать ему в управлении государством». Но все эти прекрасные слова государевы не всегда доходили до ушей тех, кому они предназначались. Консервативное боярство, обиженные переделом монастырских земель церковные иерархи были крайне недовольны происходившими переменами, и главной причиной этих перемен они считали не назревшую политическую и общественную ситуацию, а деятельность Избранной Рады.

Затянувшаяся Ливонская война, когда после первых успехов русского войска против раздробленных сил Ордена поляки во главе с королем Сигизмундом остановили русских у границ Литвы, начавшиеся в конце 1550-х гг. жестокие раздоры между боярами и служилыми людьми, стихийно вспыхивающие народные бунты против царевых наместников, набиравшее все большее влияние правительство Адашева и отход на задний план Боярской Думы – все это постепенно меняло настроение самодержавного правителя. Иван 4, уже с большим доверием слушая наветы княжат и родственников жены, начал опасаться, что его политическая роль и статус Божьего помазанника становятся менее значительными, а Адашев и Сильвестр по сути отодвигают его на задворки в принятии стратегических решений.

Иван Васильевич начал таить обиду гневаться, а слова кроткой жены Анастасии, которая к тому же почему-то не любила Сильвестра, все меньше убеждали его быть справедливым. 1559 год становится поворотным в политике Ивана Грозного.

Глава 4. Курс царя на усиление абсолютной власти. Первые репрессии

Внезапная смерть царицы Анастасии явилась той чертой, переступив за которую царь Иван делается в истории российской совершенно иным человеком. Последний фактор, как-то сдерживавший необузданный нрав царя и его исключительную подозрительность, исчез. Хотя и Сильвестр, и Адашев, почувствовав перемену в Иване, в начале 1559-го года сами тихо удалились от дел, царь разразился в их адрес гневной речью, в которой обвинил «сего лукавого лицемера» Сильвестра и «его прихвостня» Адашева в *«стремлении «управлять царством без царя, ими презираемого!»*. Состоялся заочный суд над прежними правителями Руси, и «вина их была обнаружена».

Блистательного разработчика новых законов Сильвестра сослали в Соловки, опального премьера Адашева заточили в темницу, где он вскоре и умер. Все родственники Адашева были репрессированы: казнены Данило Адашев с **двенадцатилетним сыном, трое братьев жены Адашева, дальний родственник Шишкин с женою**... Были и другие репрессии, царь стал брать с ближних бояр поручные записи в преданности своей персоне – «чтобы служить верно государю и его детям». Вокруг Ивана Грозного загарцевали его новые любимцы, будущие опричники: Алексей и Федор Басмановы, Афанасий Вяземский, Василий Грязной, Малюта Скуратов-Бельский. Позже Грозный пояснит эти свои действия тем, что Адашев и Сильвестр *«сами государились, как хотели, а с меня есте государство сняли... словом, аз был царь, а делом ничего не владел»*. Новая элита, сформированная при Избранной Раде, забеспокоилась.

Польский князь Димитрий Вишневецкий, прибывший в Москву якобы для союза против крымских татар, схватив ситуацию, удрал обратно, прихватив с собой несколько людей из Адашевской партии. Как велено было говорить русским послам на Литве: «Притек к нам, как собака, и утек, как собака». Из нашего времени кажется, что Иван Грозный действовал порой излишне жестоко, даже изуверски – в отношениях тех бояр, которых он подозревал в измене. Но Иван 4 был человеком своего времени, и вряд ли он позабыл про многовековые раздоры удельных князей в 12–13 вв., которые привели Русь под иго Золотой Орды, про многочисленные измены князей и бояр в эпоху его деда Ивана и его отца Василия. Да и уходы некоторых русских князей к чужим правителям, с которыми Русь вела военные действия, не были чем-то исключительным... В 1563 году из России сбежали от возможных преследований царя братья Черкасские, бояре Тетерин и Сарыхозин, первопечатник Иван Федоров. Самое же громкое бегство – уход князя Андрей Курбского к королю Сигизмунду-Августу.

Сей весьма влиятельный во времена Рады князек не только убежал от Ивана 4-го, но и стал посылать ему известные письма, где в дерзкой форме требовал у царя отчета в его подлых деяниях. Князь Курбский вопрошал в письме к Иоанну: *«Почто, Иван, различными муками истерзал ты сильных во Израиле, возжей знаменитых, данных тебе Вседержителем?»*, князь грозил царю Божьим судом и страшными муками на том свете за его прегрешения. Царь Иван, ужаснувшись предательства, тем не менее отвечал в письме Курбскому: *«Почто, несчастный, губишь свою душу изменою, спасая бречное тело бегством? Если ты праведен и добродетелен, то для чего не хочешь умереть от меня, строптивого владыки, и наследовать венец мученика?»* Иван, со свойственной ему иезуитской логикой, описывает многочисленные измены бояр и подозрительную медлительность войска под руководством Курбского в битве под Невелем: «вы побеждали невольно, действуя, как рабы, силой понуждения».

На упоминание Курбского о муках царевых на Страшном суде царь Иван изумляется: *«Разве в сем мире нет Власти Божией, коль угрожаешь мне судом на том свете?»* Все ересь манихейская...». И Грозный, и Курбский в душе надеялись увидеться еще раз при жизни, но этого не произошло. В конце 1564 года по Москве разнесся слух, что войска Девлет-Гирея

движутся к южным пределам Московского царства, а войска Сигизмунда-Августа подступают к Полоцку. Московские граждане забеспокоились, создавались предпосылки для Смуты. Для эпохи Ивана 4-го наступал решительный момент.

Глава 5. Опричнина. Измены царю и казни изменников

До наших времен и советские, и российские историки не могут однозначно оценить смысл и значение того порядка правления на Руси, который установил царь Иван с 1565 до по 1572 годы и получил название «опричнины». Такие авторитетные историографы, как Карамзин и Костомаров, оценивают это порядок однозначно отрицательно, видя в нем лишь признаки все более нарастающего деспотизма И. Грозного, другие, как Вас. Ключевский, С. Соловьев, С. Платонов, считают опричнину хорошо продуманным шагом царя по «сокрушению боярско-княжеского экономического и политического могущества». Мы уже упоминали, что измены знатных бояр царю и их уходы к противнику в первой половине 16 в. были вовсе не исключением, а правилом, что реальный авторитет в народе церковных иерархов в чем-то даже превосходил духовный авторитет «помазанника Божьего», что высшая знать ряда присоединенных в 1540–50-е годы к России территорий все еще не считала себя в полной зависимости от Московского царства, что набеги на Русь со стороны Поля продолжались, как и во времена противостояния Золотой Орде. Все это делало власть самодержца достаточно шаткой, и Иван 4 не мог этого не осознавать.

Конечно, в эту семилетнюю эпоху опричнины царь Иван действовал с неумолимой (даже для его времени) жестокостью, его новые фавориты-опричники в лице Басмановых, Малюты, Вяземского, Васки Грязного творили форменный беспредел на территории «земщины». Но кто поручится, что без свирепости и активных действий И. Грозного Русь сохранилась бы как независимое и централизованное государство в середине 16 века? Что страна не распалась бы на отдельные территориальные куски, как она распалась уже через 20 лет после смерти царя Ивана? Что более мягкие и демократичные действия царя могли всерьез противостоять нарастающему процессу дезинтеграции Московского государства... Историки продолжают размышлять, а мы постараемся восстановить картину произошедших в это время событий, опираясь на блистательный труд Н. Карамзина и замечания В. Ключевского и Н. Костомарова.

В декабре 1564 г. по Москве разнесся слух, что царь собирает своих ближних, берет с собой верных ему людей и едет с ними неизвестно куда. Попутно Грозный объявил духовным и светским особам, что он отрекается от престола и передает правление «всей земле». Московские князья и бояре заволновались, такое «отречение» царя могло в корне изменить их положение – возможно, в лучшую сторону... 3 декабря царь Иван с обозами отбыл из столицы, полностью отстояв обедню в Успенском соборе. Остановился он лишь в Александровской слободе, откуда и отправил 2 послания в Москву – Боярской Думе и духовенству и посадским людям. В первом послании Иване Грозный от души поносил всех изменников боярского племени, перечислял все их пакости царскому роду и жаловался, что не может мириться более с их изменами, а потому **«налагает на них опалу»**. Высказывал он претензии и к духовенству, обвиняя его в стяжательстве и изменничестве. Во втором послании царь заявлял, что к московскому посадскому люду у него претензий нет. Послания царя, зачитанные на Красной площади, посеяли ужас в Московии, народ загудел, призывая либо вернуть царя, либо **«попробить всех изменников и лиходеев»**. Представители Боярской Думы и духовенства, убоявшись народного гнева, составили делегацию и отбыли в Александров.

В 20 веке историки размышляли, как должно было ответить той правящей элите Московского царства Ивану Грозному. Что нужно было законодательно лишить царя престола и передать всю власть Боярской Думе. Что нужно было обезглавить опричнину, передавив потихому новых царских фаворитов. Что нужно было наотрез отказаться от условий, предложенных Иваном 4, постричь его в монахи и возвести на русский трон дядю царя Владимира Старицкого... Любопытные предложения, но вряд ли исполнимые в ту грозную эпоху (да и в

нынешнюю?). Прошлые люди из бояр, в подлости поднаторевшие, все же не рискнули пойти на прямое смещение и замену царя; видимо, невозможно сие было.

Боярскую делегацию, прибывшую в Александров, царь велел схватить и говорить с ними, как с врагами. Иван Грозный поставил им ультиматум: он забирает себе в особый удел часть русских земель, ОПРИЧЬ остальных, учреждая там прямое царское правление, отбирает верных ему людей *«конно и оружно»*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.